

а в тесной связи с общемировым историческим процессом, подчеркивая, что социально-экономические, политические и национальные процессы «протекают в каждую эпоху в определенной исторической среде» (стр. 315). Авторы отмечают также, что, поскольку в большинстве стран Юго-Восточной Азии буржуазия состояла из представителей некоренного населения (индийцы, китайцы), «опорой национальных революций здесь стали рабочий класс, близкие к нему социальные группы трудящихся (ремесленники, поденщики и др.), крестьянство и местная интеллигенция, роль которой была особенно важна в организационном и идеологическом оформлении освободительного движения» (стр. 316). Заключает статью и книгу в целом вывод авторов о том, что в Юго-Восточной Азии в современную эпоху формирование наций «выступает как главная черта всех этнических процессов, которые, во-первых, охватили основные массы населения и, во-вторых, наложили свой отпечаток на этническое развитие народов, в него еще не включенных» (стр. 315).

К недостаткам рецензируемого сборника следует отнести чрезмерное увлечение в некоторых статьях описанием социально-экономической и политической истории в ущерб этнической. Больше внимание авторы должны были бы уделить и терминологии, оговаривая в каждой статье свое понимание употребляемых понятий. Особенно осторожно следовало бы обращаться с термином «народность», так как определения этому понятию, по сути, не дано. Нам кажется, что прежде чем говорить о «народности» или «нации», нужно выяснить, сложилась ли сама этническая общность, а потом уже относиться к ней к той или иной степени. Как, например, в статье «Бирма» понимать фразу: «Однако сложившаяся в этот период шаньская народность так и не достигла единства, она осталась дисперсной и слабоконсолидированной даже до наших дней» (стр. 8)? Что означает в статье «Индонезия» «национальная консолидация», если «яванцы — этнос, наиболее далеко ушедший по пути национальной консолидации» (стр. 146), балийцы — «высококонсолидированный этнос, идущий по пути национальной консолидации» (стр. 147) и «комплекс признаков, говорящий о высокой степени национальной консолидации, присутствует у минангкабау, аче, малайцев Восточной Суматры (риау-палембангов), а также у тоба-батаков» (стр. 149)? Или что понимается в статье «Камбоджа» под «национальной консолидацией», если в середине XIX века в Камбодже «начали проявляться тенденции к национальной консолидации» (стр. 178) и в то же время начался период «так называемого национального возрождения» (стр. 179)?

Завершая обзор сборника «Этнические процессы в странах Юго-Восточной Азии», отметим, что, несмотря на отдельные недостатки, а также на досадные опечатки, эта книга, несомненно, представляет собой значительный вклад в изучение народов Юго-Восточной Азии.

А. И. Кузнецов

НАРОДЫ АМЕРИКИ

«Estudios de cultura Náhuatl». vol. I—IX. México, 1959—1971.

Серию «Estudios de cultura Náhuatl» («Изучение культуры нахуа») выпускает в свет Семинар по культуре нахуа, организованный при Национальном автономном университете Мехико. Ее основные задачи определены в предисловии к I тому, которое принадлежит перу руководителя Семинара, известного мексиканского ученого Анхеля Марии Гарибая. Главную роль издания он видит в сборе и обобщении материалов по культуре нахуа, чтобы «понять душу народа, оживить его прошлое».

Племена языковой группы нахуа (ацтеки, тлашкаланцы, древние тольтеки и др.) расселены главным образом на севере и в центре Мексики, отдельные нахуатльские группы встречаются на юге страны. Больше всего сведений собрано об ацтеках. В серии имеются и статьи, посвященные другим народам Месоамерики.

С 1959 по 1969 г. вышло восемь томов серии, а в 1971 г. — девятый. Среди авторов — ученые Мексики, США, Франции, Голландии, Австрии. Их работы дают возможность познакомиться с основными взглядами зарубежных этнографов на культуру народов нахуа.

Несколько слов об авторах и редакторах. Семь томов вышли под редакцией крупнейшего специалиста по истории и культуре племен нахуа А. М. Гарибая. Восьмой и девятый тома — под редакцией Мигеля Леон-Портильи, крупнейшего знатока духовной культуры этих народов.

А. М. Гарибай — церковный деятель и в то же время крупный ученый, известный специалист по литературе древних народов Месоамерики, собравший и издавший много литературных произведений нахуа раннего периода. Язык этих произведений он считал важным источником для изучения истории и идеологии народа. В последние годы жизни А. М. Гарибай возглавлял издание Словаря по истории и географии Мексики. За выдающиеся научные заслуги он был избран почетным доктором Мексиканского университета. 70-летнему юбилею этого ученого посвящен IV том серии.

В подготовке рецензируемого издания участвовали также многие известные мексиканские исследователи: крупнейший специалист по календарям Месоамерики, директор Национального индейского института доктор А. Касо; директор Института эстетических исследований, специалист по древнему и современному искусству Мексики Х. Фернан-

дес; директор Межамериканского индейского института М. Леон-Портилья, известный советским читателям по книге «Философия нахуа»; директор Национального музея антропологии и истории И. Берналь, изучавший города Центральной Мексики; руководитель Семинара по культуре майя А. Рус Луильер.

Из иностранных участников Семинара по культуре нахуа наиболее известны Ч. Э. Диббл (США), опубликовавший в серии несколько источников по культуре нахуа; Л. Г. Фельдман (Великобритания), Ф. Кац (Австрия); Р. ван Зантвик (Голландия); Л. Сежурне (Франция), проводившая раскопки в Теотиуакане.

Большое внимание в серии уделяется историческим источникам — археологическим, этнографическим — и литературе. Несмотря на то, что археологические раскопки ведутся в Мексике очень интенсивно, им посвящено лишь несколько статей. Л. Сежурне (тт. I и III) обобщает результаты раскопок, проводившихся под ее руководством в Теотиуакане с 1955 г. и говорит о необходимости комплексного изучения культур Нового Света, применения в археологии достижений и методики естественных наук. На основании анализа своих материалов Л. Сежурне приходит к выводу, что Теотиуакан — чисто религиозный центр. И. Берналь, напротив, видит в этом городе центр огромной «империи», распространившей свое влияние на всю Месоамерику (т. V). Другая его статья содержит описание крестообразного склепа в Митле, обнаруженного в результате археологических раскопок в 1960—1961 гг. (т. IV).

К. Мартинес рассказывает об экспозиции по культуре мешика в новом здании Музея антропологии в Мехико (т. V).

Интересный этнографический материал приводит в своей статье А. Эспехо (т. IV). Она описывает жизнь современной индейской деревни; особенно подробно останавливается на обряде вызывания дождя. Большую ценность представляют приведенные автором тексты на нахуатль и испанском языках. Важные этнографические сведения, касающиеся терминов родства в языке нахуатль, приводит П. Карраско (т. VI).

Многие статьи представляют собой публикации разнообразных письменных источников с комментариями авторов: кодексов, карт, полотен, пиктографических, либо написанных испанскими буквами на нахуатль, писем монахов. Основная часть этих документов относится к периоду конкисты. В ряде статей рассказывается история собрания источников. Так, Э. Беррус показывает, как создавалась коллекция мексиканского ученого XVIII в. Сигуэнсы-и-Гонгоры, а также дает библиографию сочинений индейских историков времен конкисты и других источников (т. I). Ж. Бодо рассказывает об истории собрания материалов коллекции Л. Ботурины (т. I). В приложении к этой статье перечисляются индейские хронисты. Работа М. Каррера Стампы (т. V) представляет собой библиографию всех известных источников по культуре нахуа; автор указывает их местонахождение в настоящее время.

В статьях В. М. Кастильо и А. М. Гарибая (т. VII) опубликовано два источника, посвященных истории и культуре доиспанского периода. Х. Альсина Франч впервые приводит обнаруженные им «Ацтекский манускрипт из Военного музея Мадрида» (т. II). П. Карраско публикует письма монахов о системе уплаты дани индейцам (ацтекам) и испанцам покоренными ими племенами (т. VII). В VIII томе в статье того же автора приводятся документы о судебной тяжбе между ноноалками и тарасками. «Койоаканский кодекс» — список предметов дани XVI в. представлен М. Леон-Портильей (т. IX).

Большая часть напечатанных в серии источников взята из трудов Бернардино де Саагуна, собравшего основные сведения о доиспанской Мексике. Некоторые из его сочинений опубликованы только на нахуатль, тем большую ценность имеют их переводы на европейские языки. Многие материалы взяты из опубликованного Саагуном Флорентийского кодекса. Л. Лопес Аустин приводит сведения о медицинских познаниях индейцев и словарь, содержащий названия заболеваний (т. VII). Тот же автор в статье «О медицинских познаниях и других медицинских средствах» впервые напечатал на нахуатль и испанском языках соответствующие отрывки из Мадридского и Флорентийского кодексов (т. IX).

Т. Д. Салливан перевела из Флорентийского кодекса материалы о родильных обрядах (т. VII). Родильным обрядам нахуа посвящена и статья Х. Гарсиа Кинтана (т. VII). Глава из Флорентийского кодекса, рассказывающая о воспитании детей, приводится в статье Ж. Форэ (т. II). Т. Д. Салливан опубликовала также нахуатльские пословицы, загадки и метафоры, собранные Саагуном (т. IV) и «Молитву Глалоку» (т. V). Тексты о видах и качестве дорог в доиспанской Мексике приводятся в статье В. М. Кастильо (т. VIII). Статья А. Лопеса Аустина о большом храме Мехико — Теночтитлана (т. V), по существу представляет собой перевод на испанский язык глав из Флорентийского кодекса. Г. Ф. Клайн представляет тексты из «Общей истории Саагуна» и их переводы на английский язык (т. IX). Отрывок из Флорентийского кодекса, в котором рассказывается о наблюдении ацтеками шаровой молнии накануне пленения Куаутемока, помещен в переводе на английский язык в статье Л. Г. Фельдмана (т. IX).

Очевидно, ко времени конкисты относятся и опубликованные А. М. Гарибаем (т. IV) «Элегантные и метафорические выражения мексиканских индейцев», собранные монахом Хуаном де Михангосом.

Ряд источников представил Ф. Оркасита. Это «Тексты из Шалтепостлы, Пуэбла» (совместно с Линдоро Крус) — т. II; «Свадьба в Амейялтепек» — т. V; документ XIX в. — «Обращение на нахуатль дона Карлоса Мариа де Бустаманте» — т. VIII.

В серии опубликовано также немало литературных произведений. Это «История Тохуэнь», впервые записанная Саагуном — т. I; «Рассказ о дне мертвых» (из архива Р. Барлоу) — т. II; «Икуик масехуалли, индейская песня» — т. IV и «Лос Шошокотерос, индейская пьеса» — т. VII (из того же архива). Поэмы Ашаякатля приводятся в статье М. Леон-Портильи — т. VI.

Как видим, литература нахуа разнообразна по жанрам и по тематике. Ее анализу посвящено в серии несколько статей. Так, А. Сарате (т. III) и Д. Милиани (т. IV) пишут об основных идеях литературы нахуа, ее философии, о положении поэта. Любопытно, что многие вопросы творчества поэты решали на своих собраниях. В т. V помещена статья А. М. Гарибая о жизни и творчестве древнего поэта нахуа Куакуатчина.

В ряде работ источниковедческого характера анализируется деятельность Б. де Саагуна. А. Дж. О. Андерсон показывает обстановку, в которой создавались труды Саагуна (т. II). Спенсер Л. Роджерс и А. Дж. О. Андерсон (т. V) сравнивают анатомические термины в трудах Саагуна с терминами словарей времён конкисы. К трудам Саагуна имеет отношение и коллекция рукописей, описанная в статье А. Дж. О. Андерсона (т. IV). Частному вопросу — о стиле работ Саагуна — посвящена статья Ч. Э. Диббла и Н. Б. Миккельсен (т. IX).

А. Лопес Аустин в статье «Ночной топор» комментирует текст из Флорентийского кодекса о божестве Тескатлипоке (т. IV). Фонетические знаки Флорентийского кодекса анализируются в статье Ч. Э. Диббла (т. IV). К ней тематически близка статья А. Касо (т. IV), дающая некоторое представление о письме у нахуа. Анализ одного из вариантов легенды о солнцах содержится в статье С. Е. Андерсон «Открытие зерна» (т. II). Варианты легенды о солнцах из разных источников, комментируются также в статье Р. Морено де лос Аркос (т. VII). Комментарий к последнему листу кодекса Шолотля содержится в статье Ч. Э. Диббла (т. V). Почти все названные статьи имеют иллюстрации.

Статья М. Леон-Портильи (т. VIII) посвящена деятельности президента Второй Аудиенции (административного органа королевской власти в Новой Испании), собиравшего сведения о культуре нахуа. Автор характеризует методы сбора материала по индейской культуре Мексики, которым следовал и Саагун. Одна статья посвящена работам Л. Ботурини и других собирателей индейских древностей (т. IX).

Европейцы изучали язык нахуа на протяжении всей колониальной истории и в последующий период. Составлялись его грамматики и словари. Э. Торрорэля комментирует нахуатльскую грамматику Реми Симеона (т. III). Сопоставляя грамматики и словари разных времен, специалисты могут проследить пути развития языка.

В лингвистических статьях рассматриваются как вопросы развития современного языка нахуа, так и история его изучения. Об исследовании современных языков различных групп нахуа говорят статьи Х. А. Хаслера (т. III), А. Гарсиа де Леона и Уильяма Брайта (т. VII). Авторы на конкретном материале показывают, как местные наречия постепенно вытеснялись классическим нахуатль, для которого в свою очередь характерно стремление к замене слов, заимствованных из других языков, словами, образованными по законам нахуаль. Статья Р. ван Зантвика (т. V) посвящена проблемам словообразования в нахуатль.

Чисто грамматические вопросы рассматриваются в статьях В. М. Кастильо, К. Даккин и Р. Морено де лос Аркос (т. VI) и Х. П. Давила Гариби (т. IV). Последний из авторов в двух других статьях (тт. I и VII) анализирует взаимовлияния нахуатль и испанского языков. Несколько особняком среди лингвистических статей стоит интересная работа М. Леон-Портильи о нахуатлизмах в испанском языке Филиппин (т. II). Роль топонимики в изучении истории страны, положения индейцев и состояния индейской культуры анализирует Ф. Анайя Монрой (т. II).

Неправоммерно мало места в серии уделяется материальной культуре. Наиболее значительной из работ по этой проблематике является статья Х. Фернандеса Баррера (т. V), описывающая виды и способы изготовления одежды, а также одежду разных слоев общества. О получении и применении растительных и минеральных красителей пишет в своей статье А. Дж. О. Андерсон (т. IV). Э. С. дель Посо (т. V) сообщает о видах лекарственных трав, применявшихся индейцами, и способах их употребления. Об использовании ацтеками какао сообщает Ж. Дюран-Форе (т. VII). В своей статье, опубликованной в т. IX, она прослеживает функционирование различных денежных знаков у ацтеков.

Целый ряд статей относится к политической истории и государственному устройству нахуа. Два автора дают критический анализ различных взглядов на ацтекское государство, высказанных в литературе. Это Л. Г. Фельдман, представивший работы «Противоречие в исторической интерпретации ацтекского государства, общества, культуры» (т. VI) и Д. Р. Мориарти, выступивший со статьей «Доиспанское ацтекское государство. Сравнение точек зрения прогрессивных культурных эволюционистов и других его интерпретаторов» (т. V). Политическое устройство городов нахуа описано в статьях А. М. Гарибая (т. III) и Р. Эрнандеса (т. VI). Несколько статей рассматривают политическое устройство государства ацтеков. Р. ван Зантвик (тт. III, IV, VIII) анализирует внешнюю и внутреннюю политику государства ацтеков, правовое положение жителей Теночтитлана, историю и административно-государственное деление Тлакопана (1430—1520 гг.). Автор пытается показать, как сами ацтеки понимали роль

государства, и для доказательства своих построений приводит ацтекские тексты о богах. Описывая внутреннее строение государства ацтеков, Р. ван Зантвик утверждает, что коллективная вождь, членение государства на определенное число областей, число союзников теночтитлана можно было бы объяснить, исходя из мифов.

О взаимоотношениях городов долины Мехико до завоевания Ашякатля говорится в статье Х. Литвак Кинга. Автор указывает на особое положение Тлателолко как торгового города (т. IX).

Ф. Кац (т. II) показывает различия в уровне хозяйственного и культурного развития ацтеков и инков во второй половине XV в., Лопес Аустин (т. VI) пишет о группах людей, организация которых напоминает тайные мужские союзы. Эти группы находились на службе у частных лиц и использовались для борьбы против врагов своих хозяев.

Об аккультурации племен Центральной Мексики говорят Р. Эрнандес (т. V) и М. Леон-Портилья (т. VII). Интересны сведения о том, что чичимеки — собирательное название; в их состав входили племена, относившиеся к разным языковым группам, объединенным еще и этнонимом пополоки — древним синонимом варварства.

Самой популярной темой в серии, как и вообще в зарубежных исследованиях культуры народов нахуа, является религия. Возможно, такая традиция идет еще от первых хронистов (преимущественно монахов). В ряде статей описаны космогонические и религиозно-философские представления, символы, употреблявшиеся для изображения богов, религиозные обычаи и обряды, народные верования, религиозные организации.

А. Лопес Аустин (т. II), В. Т. Мендоса (т. III), А. Рус Луильер (т. IV) показывают представления нахуа о загробном мире. Так, эти племена верили, что покойники занимают определенное положение в загробном мире в зависимости от того, какой смертью они умерли. Анализируя взгляды нахуа о загробной жизни, А. Лопес Аустин показывает постепенное слияние верований оседлых земледельцев и кочевников. В. Т. Мендоса сопоставляет мифы ацтеков, майя и древних скандинавов, в которых отражаются их представления о загробном мире.

Несколько особняком стоит статья С. Марти, рассматривающая символику цветов (т. II). Определенные цвета соответствовали тем или иным божествам, странам света, предметам и животным. В сходстве символов у нахуа и майя автор усматривает одно из доказательств существования некоей общности в культуре этих народов.

Ряд авторов анализирует отражение в произведениях искусства нахуа их религиозных представлений. Х. Альберто Манрике (т. II) и Д. Соди (т. III) воспроизводят своего рода теорию искусства, существовавшую у нахуа, согласно которой творчество понималось как одухотворение вещей в процессе их создания. В этих идеях сказывается влияние представлений толтекков о художественном творчестве. «Прародиной» многих представлений и обычаев Д. Соди считает Теотиуакан и отмечает влияние ольмекков в архитектуре, керамике, живописи нахуа. Статья иллюстрирована легендой о сотворении мира (из «Анналов Куатитлана»), в которой расшифрованы имена богов. В статьях Х. Фернандеса (тт. I, IV) показывается связь эстетических и религиозных воззрений нахуа. В изображении на статуе Койлошауки автор видит отголоски матриархальных отношений в обществе нахуа. В одной из его статей (т. IV) прослеживается процесс превращения одних богов в другие и возникновения единого бога, что отражает усиление деспотической власти правителя.

А. Эстрада Кеведо описывает обычай покаяния (т. II), Л. Кнаут — ритуальное употребление опьяняющих грибов (т. III).

С. Лисарди Рамос сравнивает изображения игроков в мяч у нахуа и майя (игра в мяч имеет отношение к определенному религиозному обряду) (т. IX). К. Агилер показывает связь одного, предположительно негроидного божества в пантеоне ацтеков с культом бога Тескатлипоки и некоторыми обычаями хуастеков (т. IX).

Изображениям аксолотля и связанным с ним поверьям посвящена статья Р. Морено (т. VII). Современные религиозные представления народов Южной Мексики описаны А. Гарсиа де Леоном (т. VIII). Религиозная организация нахуа частично отражена в статье А. Лопеса Аустина (т. VII).

Проблемы религиозной борьбы, развернувшейся после испанского завоевания, затрагивает Р. ван Зантвик (т. I). Его статья опубликована на нахуатль с испанским переводом.

Ряд авторов анализирует древние календари Мексики. Крупнейший специалист в этой области А. Касо (т. I) рассматривает историю вопроса и дает свою корреляцию года «I — Тростник» в соответствии с датами европейского календаря. С. Лисарди Рамос (т. VIII) критикует некоторые выводы А. Касо. Х. Альсина Франч (т. VI) описывает доиспанские сапотекские календари по документам XVI и XVII вв. Частный вопрос, связанный с календарями, рассматривает Г. Б. Никольсон (т. VI). В. М. Кастильо отмечает, что последний из дней ацтекского календаря, имевших название, длился 48 часов (т. IX).

Во всех упоминавшихся выше статьях говорилось о частных проблемах материальной и духовной культуры нахуа и некоторых других народов Месоамерики, их социальной организации и политического строя.

Общим вопросам развития цивилизации в Центральной Америке посвящена статья И. Бернала (т. II). В ней автор стремится определить применимость взглядов А. Тойнби

на сущность исторического процесса к изучению Месоамерики. И. Берналь считает, что, изучая историю древних цивилизаций, можно найти пути предотвращения гибели современной цивилизации.

В заключение следует отметить, что серия «Estudios de cultura Náhuatl», благодаря своей обширной тематике, представляет интерес не только для этнографов, но и для историков древнего мира, философов, специалистов по литературе древних народов, лингвистов и т. д.

В. Г. Сергеева

НАРОДЫ АФРИКИ

Л. Е. Куббель. Сонгайская держава. Опыт исследования социально-политического строя. М., 1974, 432 стр.

В последнее время стало модным говорить о синтезе научных дисциплин, причем не только естественных, но и гуманитарных. Однако опыт показывает, что в теории он иногда осуществляется легче, чем на практике. Книга Л. Е. Куббеля является примером достаточно удачного решения этой задачи. Она написана на стыке истории и этнографии и в обоих своих аспектах посвящена весьма актуальным и далеко еще не во всем решенным проблемам.

С одной стороны, последние годы отмечены заметным усилением внимания советских африканистов к вопросам социальной и политической организации доколониальных обществ, к монографическому исследованию таких вопросов. Причина этого заключается, по-видимому, не только в том, что накопленный фактический материал делает возможным переход от работ типа очерков общего характера к более углубленному анализу существенных элементов структуры и функционирования конкретных социальных организмов. Без такого анализа во многих случаях просто невозможно понять современные формы общественной и политической жизни в молодых африканских государствах.

С другой стороны, материалы африканских обществ дают богатую пищу для размышления в связи с теми дискуссиями о формах и закономерностях развития докапиталистических обществ, которые ведутся сейчас среди наших историков и этнографов.

Работу Л. Е. Куббеля практически можно рассматривать как завершающее звено в серии многолетних и весьма успешных исследований, сделанных им по средневековой истории и этнографии народов Западного Судана. Таким образом, рецензируемая книга оказывается как бы итоговой и позволяет автору более детально рассмотреть отдельные вопросы, уже поднимавшиеся им ранее, и уточнить сделанные на основании такого уточнения выводы¹.

Л. Е. Куббель рассматривает в книге социально-политическую структуру одного из наиболее развитых доколониальных обществ Западной Африки — государства Сонгай в период его расцвета, т. е. во второй половине XV—XVI в. Автор вполне сознательно ограничился исследованием только социальной организации государства Сонгай, а также его политико-административной и идеологической надстройки. Богатство использованного в книге фактического материала и широта поставленных в ней проблем, далеко выходящих за пределы собственно африканского региона, вполне оправдывают такое ограничение.

Нет смысла пересказывать содержание книги Л. Е. Куббеля. Мы остановимся лишь на некоторых наиболее важных и общих проблемах из многих затронутых в книге.

На первом месте среди них следует назвать соотношение общего и частного в историческом развитии африканских народов. Анализируя эволюцию социального строя и политических институтов сонгайского общества, Л. Е. Куббель последовательно, а иногда, с нашей точки зрения, даже чересчур настойчиво проводит мысль о том, что в истории средневековых обществ Западной Африки решающую роль играли те же самые общенациональные закономерности, которые определяли ход развития в других частях земного шара. Он решительно возражает против попыток отдельных африканских исследователей утвердить тезис об «особом» пути развития африканских народов (стр. 5, 6, 187, 371, 372). «Внимательное и объективное рассмотрение тех черт, какие обычно выдают за отличительные особенности этого „особого пути“, — пишет автор, — прежде всего довольно сильных норм общинного коллективизма и связанных с ним социально-пси-

¹ См.: Л. Е. Куббель, Из истории древнего Мали, «Африканский этнографический сборник, V», «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. 76, М.—Л., 1963; его же, К истории общественных отношений в Западном Судане в VIII—XVI вв., «Африка в советских исследованиях. Ежегодник», т. I, вып. 1, М., 1968; его же, Страна золота, М., 1966, и др.